

Глава 26

Атеистическое наследие Г.В. Плеханова и религиозный ренессанс в России

Год 2017-й является «круглой» датой, имеющей отношение к личности теоретика марксизма Георгия Валентиновича Плеханова (1857–1918) и юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, которую ныне в школьных и вузовских учебниках именуют Октябрьским переворотом. Эти исторические и потому «неискусственные» события, вместе взятые, могут служить поводом и обоснованием необходимости обращения к философскому наследию «первого русского марксиста»¹, чьи труды, по мнению В.И. Ленина, следовало изучать как «лучшее во всей международной литературе марксизма» и включать «в серию обязательных учебников коммунизма»².

Примечательно, что работы по религиозно-атеистической проблематике, включенные в пятитомник избранных философских сочинений Г.В. Плеханова, были написаны в так называемый меньшевистский период его деятельности (1904–1913 гг.), когда он и Ленин разошлись во взглядах по некоторым вопросам революционной теории и практики. Этот факт, как представляется, добавляет интереса к его трудам как более объективным, научно-сдержанным, аналитическим, написанным, по крайней мере, не с позиции оголтелого, «воинствующего материализма».

Визитной карточкой Г.В. Плеханова, содержащей в концентрированном виде его атеистическую платформу, являются ответы на анкету о будущности религии, проведенную журналом

¹ Фомина В.А. Г.В. Плеханов и его роль в защите и обосновании марксизма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. 1. С. 7.

² Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 42. С. 290.

«Mercure de France». Напомнив «определение-минимум термина религии» Э.Б. Тэйлора, Плеханов формулирует «определение-максимум термина религии», подчеркивая роль морально-го элемента на более высоких стадиях эволюции: «Вера в духовные существа, связанные с моралью и служащая ей санкцией... Для многих сущность религии заключается в морали»³.

Далее автор, как и многие люди, увлеченные тогда идеологией марксизма, «раздваивается». Как ученый, Плеханов утверждает, что мы далеки от конца этой эволюции, но коммунист Плеханов предвкушает вытеснение религии моралью:

«Связь между моралью и религией... осуждена на исчезновение в силу прогресса человеческого разума. Научное объяснение феноменов может быть только материалистическим... Если многие верят еще в существование духов и сверхъестественных существ, то это потому, что, по разным причинам, они не смогли победить препятствий, которые мешают им стать на научную точку зрения. Когда препятствия эти будут устранены, – а все заставляет думать, что это будет делом социальной революции, – мораль будет вынуждена занять свое самостоятельное место. Религия, в максимальном смысле этого слова, перестанет существовать... Прогресс человечества несет с собой смертный приговор... религиозной идее и религиозному чувству. Робкие или заинтересованные люди выражают опасение за судьбу морали. Но, повторяю, мораль может вести самостоятельное существование»⁴.

Комментируя основополагающую идею Г.В. Плеханова о «раздельном», т.е. относительно самостоятельном существовании морали и религии (это было очень важно для коммунистов, вознамерившихся «отменить Бога» и заменить религию массовой, «моральной», идеологией), важно подчеркнуть, что мораль, религия, наука, политика, право и философия являются формами общественного сознания. Что это значит? Как минимум, их вечность! Как максимум, перманентную изменчивость, бесконечные и безграничные метаморфозы, переливы одних форм в иные и обратно.

³ Плеханов Г.В. Ответ на анкету о будущем религии, проведенную журналом «Mercure de France» // Избранные философские произведения в пяти томах. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 3. С. 104–105.

⁴ Там же. С. 105.

В этой связи уместно вспомнить о двух известных персонах.

Рассуждая о главных причинах существования религий, Эрих Фромм подчеркивал: «Поскольку у современного человека имеется мало возможностей для совместного с другими выражения своих чувств, любой ритуал становится очень привлекательным, даже если он не затрагивает наиболее важных чувств и устремлений в повседневной жизни человека»⁵. Если эту причину можно условно именовать «внутренней», то «внешней» причиной можно считать массированное навязывание идолопоклонства со стороны господствующей элиты: «Идолами⁶ могут стать и слова, и машины. Лидеры, государства, власть, политические группировки тоже могут служить идолами. Наука и мнение ближних могут стать идолами»⁷.

Созвучные идеи мы находим в философском наследии Николая Бердяева, который в молодости увлекся идеями К. Маркса, но впоследствии стал ярким и авторитетным критиком марксизма: «Русское коммунистическое государство есть единственный сейчас в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре миросозерцания, на ортодоксальной доктрине, обязательной для всего народа. Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это... вполне согласно со старыми традициями русской государственности. Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя признавала и оправдывала как теокра-

*Эрих Зелигманн Фромм
(1900–1980 гг.), немецкий
социолог, философ,
социальный психолог,
психоаналитик.*

⁵ Фрейд З. Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. С. 302.

⁶ Идолами морали.

⁷ Фрейд З. Указ. соч. С. 308.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948 гг.), русский религиозный и политический философ, представитель русского экзистенциализма и персонализма.

тию, как священное царство. Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях... рабоче-крестьянских масс, оно тоже сознает себя и оправдывает, как священное царство, как обратную теократию»⁸.

В конспекте лекций «Научный социализм и религия» Плеханов-ученый, продолжая исследование генезиса и эволюции религии, задается вопросом, когда исчезнет потребность в религии, и отвечает: «Когда человек почувствует себя господином природы и своих собственных общественных отношений»⁹. Но тут же Плеханов-социалист цитирует К. Маркса и по сути отвергает принцип эволюционного развития, а вместе с ним и научный подход: «Маркс – уничтожение религии как мнимого счастья народа есть требование его действительного счастья... Религия – частное дело. Но мы оставляем за собой право бороться с религиозной мыслью и заменять ее научной. Социал-демократия должна, по известному выражению, у тиранов вырвать их скипетры, у неба – его огонь»¹⁰.

Впрочем, такая двойственность, выраженная стремлением совмещать (или скорее демонстрировать) ученость и политические пристрастия, была присуща не только отцам-основателям марксизма и армии их последователей в XX в. В этой связи лишь стоит указать, что проблема объективности в гуманитарно-социальном познании сохраняет актуальность и в наши дни...

Впрочем, такая двойственность, выраженная стремлением совмещать (или скорее демонстрировать) ученость и политические пристрастия, была присуща не только отцам-основателям марксизма и армии их последователей в XX в. В этой связи лишь стоит указать, что проблема объективности в гуманитарно-социальном познании сохраняет актуальность и в наши дни...

⁸ Бердяев Н.И. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С. 117.

⁹ Плеханов Г.В. Конспект лекции «Научный социализм и религия» // Избранные философские произведения в пяти томах. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. 3. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 64.

В статьях под общим названием «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов изложил свои атеистические воззрения, полемизируя с теми представителями интеллигенции (включая представителей русской религиозной философии), которые, по его словам, «никогда не думали серьезно о религии»¹¹. Перелистаем эти страницы, чтобы лучше понимать, почему вопреки прогнозам-преднамерениям марксистов религия как система («представлений, настроений, действий»¹²) не перестала существовать во всем мире и у нас, а марксистская литература, напротив, заняла весьма скромное место в хранилищах библиотек, неинтересна и малопонятна тем народным массам, о счастье которых столетие назад мечтали и писали идеологи социализма-коммунизма.

В первой статье («О религии») представлен анализ ранних форм религии (магия, анимизм, тотемизм), острая критика труда А. Богданова «Из психологии общества» и дан общий набросок платформы материалистического понимания истории («не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание»¹³) для последующей критики воззрений «богоискателей» и «богостроителей» (П.Б. Струве, Д.С. Мережковский, А.В. Луначарский, Л.Н. Толстой и др.).

Во второй статье («Еще раз о религии») автор останавливается на буддизме и стремится доказать оппонентам, считающим его «атеистической религией», что и эта мировая религия вписывается в общую схему эволюции религиозных верований: «Религии, чуждой анимистических представлений, до сих пор не было... и быть не может»¹⁴.

Вооружившись таким выводом-обобщением, Плеханов анализирует два определения религии, на основании которых Л.Н. Толстой¹⁵, по его мнению, необоснованно трактовал свое

¹¹ Там же. С. 329.

¹² Там же. С. 361.

¹³ Там же. С. 362.

¹⁴ Там же. С. 367.

¹⁵ 1) «Религия есть определение отношения человека к началу всего и вытекающего из этого отношения назначения человека и из этого назначения правил поведения»; 2) «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками». Там же. С. 368.

религиозное понимание как свободное от всякой сверхъестественности. И вновь он – Идеолог, руководимый генеральной линией Маркса–Энгельса и с этой целью укоряющий Толстого, Луначарского¹⁶ и других «искателей» за попытки трактовать религию без веры в духов или вовсе без бога, окончательно побеждает в самом себе Ученого.

Иначе говоря, разве Плеханов, родившись за четверть века до Н. Бердяева, не был способен предвосхитить эру грядущего идолопоклонства в России и то, что «Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции», что «ленинизм есть вождизм нового типа» и «этому будут подражать Муссолини и Гитлер», что «Сталин будет законченным типом вождя-диктатора»?¹⁷

«Коммунизм, – подчеркивал Бердяев, – не как социальная система, а как религия, фанатически враждебен всякой религии и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные вопросы человеческой души, дать смысл жизни. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь... Поэтому его столкновение с другими религиозными верованиями неизбежно. Как религиозное верование, коммунизм эксклюзивен»¹⁸. Пожалуй, это исчерпывающая характеристика, лучше не скажешь.

Примечательно, что не только граф Толстой, но и многие другие известные писатели подверглись плехановской критике. Судя по следующему фрагменту, Плеханов был абсолютно уверен в истинности коммунистическо-атеистических идеалов: «Гоголь, Достоевский,.. Горький – все это огромные художественные таланты. И все эти огромные таланты споткнулись о религию, к несказанному вреду для своего творчества»¹⁹. Вот так, резко, категорично, запелляционно, одним словом: по-марксистски!

В третьей, заключительной, статье («Евангелие от декаданса») в прицел критики Плеханова-атеиста попали литераторы и философы – Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Минский и вновь

¹⁶ Он называл учение Маркса «пятой великой религией, сформулированной иудейством». Там же. С. 374.

¹⁷ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 103.

¹⁸ Там же. С. 129.

¹⁹ Там же. С. 401.

Н. Бердяев... В целом плехановская позиция здесь не меняется: с чем-то в ней можно согласиться, а с чем-то поспорить. Но, как это часто бывает, переступая некую черту, каждый должен быть готов к суду над собой, «ибо каким судом судите, таким будете судимы; какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»²⁰.

Цитируя стихотворение З. Гиппиус «Вечер», Плеханов-философ допускает непростительную ошибку. Он, словно первоклассник, восстает против фразы: «О, милая и стройная природа! Живу в тебе, потом умру с тобой, в душе моей покорность и свобода». Он вступает в привычную для себя роль маститого критика и беспартийно замечает: «Но ведь это неверно. Не природа живет во мне, а я в природе,.. и природа будет продолжать свое вечное существование»²¹. Вдвойне печально, ибо это не досадный «зевок» гротескмейстера, а «метка» начинающих, каковыми на сотне страниц представлялись его противники...

Сколь прост и ясен в этом контексте идейно-экзистенциальный фундамент Бердяева: «Реальность для меня не тождественна бытию... Мир же субъективный и персоналистический есть единственный подлинно реальный»²². Напротив, для материалиста социальный порядок, при котором все индивиды наделены (Богом и/или государством) правом на самоопределение, немислим и невозможен!

Завершая краткий анализ некоторых положений атеистической доктрины Г. Плеханова, обозначим причины религиозного (?) или псевдорелигиозного (!) ренессанса, который переживает Россия со времени краха СССР.

Причина первая. Как известно, атрибутом марксистско-ленинского учения была критика Гегеля и гегельянства в части, касающейся мировой истории как поступательного, спиралевидного процесса. Выдающегося диалектика Гегеля марксисты и ленинцы традиционно хвалили, но при этом обращали внимание на противоречие между его диалектическим методом, идеей всеобщего развития и той системой немецкого государственного устройства, что представлялась ему оптимальной и,

²⁰ Новый завет. От Матфея святое благовествование, 7:2.

²¹ Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Избранные философские произведения в пяти томах. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. 3. С. 430.

²² Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. С. 91.

разумеется, никак не вписывалась в концепцию революционно-коммунистического переустройства капитализма²³, разработанную К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным и др. Между тем, будь все они, включая Плеханова, подлинными диалектиками и, соответственно, признавая идею всеобъемлющего, бесконечного развития, марксисты-ленинцы были обязаны не отрицать религию и поспешно хоронить ее при жизни, а объяснять то, в какие новые формы или «смеси форм» она (наряду с политикой, правом, моралью, наукой, философией) может трансформироваться в будущем. Утверждение о том, что любая из форм общественного сознания, пусть и при коммунизме, может и/или должна исчезнуть, не выдерживает критики. Это абсурд! Ничего подобного не происходит.

Причина вторая. Она еще более очевидна, принимая во внимание ранее упомянутую критику Н. Бердяевым тоталитарной системы государственности и существования непримиримой оппозиции «коммунизм – религия». В результате полного провала коммунистического проекта, краха СССР и демонтажа мировой системы социализма образовался идеологический вакуум, и гонимые еще вчера коммунистами религиозные функционеры быстро восстановили статус-кво. Как в природе, так и в социуме, не бывает пустоты. Церковный клир сориентировался в новых условиях, перехватил инициативу у коммунистов и предложил массам, уставшим от полувековой абстрактной борьбы с капиталом и разочаровавшимся в коммунизме, о наступлении которого в 1980-е гг. пафосно провозглашалось в Программе КПСС, старые-добрые-вечные ценности.

²³ Например, в известном философском учебнике 1940-х гг. это преподавалось так: «В своих общественных взглядах Гегель не только стал в вопиющее противоречие с диалектикой, но и развивал консервативные и реакционные убеждения. Догматический, консервативный характер взглядов Гегеля состоял в том, что философ признавал реакционные прусские государственные порядки вместе с монархией высшим проявлением и воплощением абсолютного духа... Стремясь обосновать “особое” положение немцев во всемирной истории и выдвинуть аргументы в защиту будущего господства Германии над другими народами, Гегель считает немцев носителями развития мирового духа». См. *Александров Г.Ф.* История западноевропейской мысли. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. С. 417–418. При этом и сами критики Гегеля «грешили» совершенно тем же, намеренно забывая евангельскую мысль о бревне в собственном глазу (Мф. 7:3–5).

Не озадачиваясь вопросами, являются ли современные россияне в массе своей людьми религиозными или кого сейчас можно и нужно считать Человеком верующим, лучше вспомним о гегелевской триаде. Если существование религии (скажем, в бытность Плеханова) – это тезис, а период широкомасштабного ее отрицания в СССР – антитезис, тогда нынешний всплеск интереса к религии и «перезагрузку» массового сознания логично считать третьей фазой, синтезом.

*Пётр Яковлевич Чаадаев
(1794–1856 гг.), русский
философ и публицист.*

Причина третья. Философский труд «Апология сумасшедшего», который не был завершен П.Я. Чаадаевым, содержит блестящую мысль. На ней рукопись обрывается, но любой желающий может ее развить: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе... всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический»²⁴.

История XX в. подтвердила истинность диагноза, поставленного «басманным философом». В Советском Союзе мнимые «общие» интересы были главными, доминирующими по отношению к интересам личности, а потому закономерно, что Личностей в социалистическом обществе было крайне мало...

Стремясь не повторять былых ошибок и не плодить новых, прислушаемся к призыву Э. Фромма, прозвучавшему в работе «Психоанализ и религия» (1950 г.): «Не настало ли время прекратить споры о боге и вместо этого объединиться, чтобы разоблачить современные формы идолопоклонства? Сегодня не Ваал и Астарта, а обожествление государства и власти в авто-

²⁴ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 161.

ритарных странах и обожествление машины и успеха в нашей культуре угрожает самым главным духовным ценностям человека. Верующие мы или нет, верим ли мы в необходимость новой религии, или в религию без религии, или же в сохранение иудеохристианской традиции, все мы, если нас по-настоящему интересует сущность, а не шелуха, чувства, а не слова, человек, а не церковь, можем объединиться для решительного отрицания идолопоклонства, и в этом отрицании найдем больше веры, чем в любых утвердительных суждениях о боге. И тогда, без сомнения, станет больше смирения и братской любви»²⁵.

²⁵ Фромм Э. Психоанализ и религия. М.: Политиздат, 1990. С. 308.